

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

БЕЗОБИДНЫЙ ЮМОРЪ.

Антонъ Чеховъ. Разказы. Изданіе А. Ф. Маркса. Стр. 384.

I.

Неутомимый А. Ф. Маркс подарилъ читающую публику новымъ томомъ. Со внѣшней стороны, какъ и всегда, изданіе безукоризненно, даже больше—роскошно. „Синеходительному читателю“ въ этомъ отношеніи не остается желать ничего лучшаго и, безъ сомнѣнія, онъ останется вполне доволенъ. Но критикъ, приступающій къ изученію произведеній Чехова съ болѣе серьезными, сложными задачами, въ правѣ, кажется, съ самаго же начала указать одно упущеніе: мы разумѣемъ отсутствіе помѣтокъ относительно времени первоначальнаго появленія разказовъ. Упущеніе на нашъ взглядъ очень важное. Отношеніе критики къ „разказамъ“ можетъ быть весьма различно въ зависимости отъ того, отнесетъ ли она ихъ къ самому началу литературной карьеры г. Чехова, или къ болѣе позднему времени. Положимъ что уже и по внутреннимъ признакамъ можно догадываться что предъ нами лишь проба художническаго пера. Но и при этой догадкѣ точныя хронологическія указанія были бы, конечно, далеко не лишними. Мы надѣемся, поэтому, что, въ интересахъ самого автора, этотъ недосмотръ, при повторныхъ изданіяхъ, будетъ исправленъ.

Разказы собранные въ книжкѣ (числомъ 72), всѣ безъ исключенія равно интересны и прочтутся съ несомнѣннымъ удовольствіемъ. Но ихъ классификація, съ цѣлію уловить въ нихъ особенности начинающаго таланта, ихъ оцѣнка—задача довольно трудная. Дѣло въ томъ что предъ

глазами критика неотступно стоитъ Чеховъ послѣднихъ лѣтъ и, при сравненіи съ нимъ, Чеховъ начала литературной карьеры, конечно, блѣднѣетъ, кажется менѣе значительнымъ.

Иллюзія естественная и совершенно понятная. Попытаемся, однако, отъ нея освободиться и дать оцѣнку творчества Чехова первой литературной эпохи совершенно независимо отъ такого сравненія,—въ надеждѣ, по мѣрѣ выхода слѣдующихъ томовъ, возвращаться къ нему снова.

Что такое „разказы“ Чехова? Выражаютъ ли они дѣйствительную жизнь, и какую именно ея сторону? Какого рода это литературное явленіе?

На всѣ эти вопросы мы дадимъ одинъ общій, такъ-сказать предварительный, отвѣтъ.

Въ разказахъ Чехова, безъ сомнѣнія, ярко и правдиво отображена дѣйствительная жизнь, но—жизнь мелкая, грязноватая и пошловатая, не выражающая никакихъ высокихъ принциповъ, началъ и идеаловъ, порою даже грубо ихъ оскорбляющая. Чувствуешь при чтеніи этихъ разказовъ какой-то рѣшительный разладъ между значительностью жизни, какою она должна быть по идеалу, и ея безнадежною пустою и пошлостью, какова она есть въ дѣйствительности. Отсюда нестойчивый комизмъ положеній, переходящій иногда въ прозу и даже юморъ.

Однако, этотъ юморъ—черта, по нашему мнѣнію, очень характерная для творчества Чехова изучаемой нами эпохи: этотъ юморъ совершенно безобиденъ. Мелко, пошло, глупо, ужасно какъ смѣшно; но негодовать, сердиться тутъ не на кого и не на что, если не начать съ самого себя. Да притомъ, кто его знаетъ какъ оно должно быть, чтобы быть и не мелко, и не смѣшно, и не глупо? А если не знаешь какъ оно должно быть, то и негодовать собственно не имѣешь права. Ужаси при данныхъ

условіяхъ лучшіе пути, тогда и сердись. А теперь смѣйся, но будь благодаренъ и не злобись!

Таковъ онъ и есть, — Чеховъ начала своей литературной карьеры: онъ смѣется и заставляетъ смѣяться, но онъ не злобится. Позднѣе онъ будетъ становиться все мрачнѣе и мрачнѣе. Его пессимизмъ будетъ радикальнѣе и безнадежнѣе. Противорѣчія и диссонансы жизни вскроются предъ нимъ повсюду. Свѣтъ примиренія (какъ, напримѣръ, въ популярномъ теперь, благодаря художественно-обшественному театру, *Дядя Ваня*) будетъ доходить до міра его героевъ лишь въ слабой формѣ, будетъ тонуть, какъ лучъ солнца упавшій въ помойную яму... Но теперь, въ началѣ своей литературной дѣятельности, Чеховъ еще не проникнуть такою безнадежною тоской жизни. Ему, а за нимъ и читателю его разказовъ, кажется что за этою мелкою, пошлою и глупою жизнью стоитъ *идь-то какое-то* значительное содержаніе, во имя котораго съ нею, быть-можетъ, *современемъ* и можно будетъ помириться. *Гдѣ и каково* именно это болѣе значительное содержаніе жизни—это пока неизвѣстно. Но оно должно быть и нѣкогда, вѣроятно, откроется и примиритъ. А пока, до того времени, будемъ благодарны. Посмѣемся, пошутимъ, порою посердимся, понегодуемъ, заклеимъ помяченную пошлостью насмѣшкой прозу, сарказмомъ юмора, но унывать, не падать духомъ, не хандрить, не погружаться въ безнадежный пессимизмъ пока не будемъ.

Благодарный или, точнѣе, безобидный юморъ: вотъ, по нашему мнѣнію, преобладающій характеръ разказовъ Чехова. Примиренія въ нихъ, пожалуй, еще и не дано. Но и приходитъ въ отчаяніе отъ нихъ нѣтъ побужденій. Это состояніе пока еще неразочарованной, хотя и подвергнутой искусительному вопросу, надежды. Это—томленіе ожиданія: авось откроется

2

что-нибудь лучшее, болѣе значительное, болѣе осмысленное. А теперь, въ ожиданіи этихъ откровений лучшей жизни, будемъ... называть дурное и пошлѣе дурнымъ и пошлымъ, будемъ его высмѣивать и вышучивать...

II.

Весьма замѣчательно что изъ вѣсѣхъ 72 разказовъ, собранныхъ въ книжкѣ, нельзя, кажется, указать ни одного въ которомъ отразилось бы сознаніе „неисцѣльныхъ противорѣчій“ жизни. Предъ нами длинною вереницей проходятъ рядъ пестрыхъ жанровыхъ картинокъ, иногда не особенно веселыхъ, иногда совсѣмъ невеселыхъ, но—возможность выходонъ нигдѣ радикально и заранѣе не исключена. Совершенно напротивъ, есть въ этихъ картинкахъ какая-то, такъ-сказать, *уравнительная тенденція*, разбросаны примиряющіе мотивы, господствуетъ какой-то мягкій тонъ. Дурно, но, можетъ-быть, будетъ и лучше и — *можетъ* быть лучше.

Очень характеренъ въ данномъ отношеніи наиболѣе „идейный“ разказъ: *Сапожникъ и нечистая сила*.

Сапожникъ Ѳедоръ Ниловъ сидитъ наканунѣ Рождества и спѣшно доканчиваетъ срочную работу, время отъ времени потягивая изъ бутылочки. Задремалъ. Какъ подится, въ его сонномъ воображеніи понеслись картины отражавшія дѣйствительную жизнь,—какъ она преодолѣлась чрезъ сознаніе бѣдняка-труженика. Имъ теперь всѣ помыкають. Зовутъ его нищимъ. Закащики надъ нимъ ломаются, требовательны до невозможности. И вдругъ, — о радость!—онъ сдѣлался богачемъ: у него и, домъ, и обстановка, и деньги, и даже жена другая, подходящая.

Сталъ ли, однако, Ѳедоръ отъ всего этого счастливѣе?

Ничуть не бывало! Подслушайте его думы и посмотрите какія съ той

поры начались для него злѣключенія, невзгоды и неприятности.

„Всю ночь не спалъ онъ (разбогатѣвшій Ѳедоръ) и то и дѣло вставалъ, чтобы взглянуть, — цѣлъ ли сундукъ. Подъ утро надо было идти въ церковь къ утрени. Въ церкви одинаковая честь всѣмъ—и богатымъ, и бѣднымъ. Когда Ѳедоръ былъ бѣденъ, то молился въ церкви такъ: „Господи, прости меня грѣшного“. То же самое говорилъ онъ и теперь, ставши богатымъ. Какая же разница? А послѣ смерти богатаго Ѳедора закопають не въ золото, не въ алмазы, а въ такую же черную землю какъ и послѣдняго бѣдняка. Горѣтъ Ѳедоръ будетъ въ томъ же огнѣ гдѣ и сапожники. Обидно все это казалось Ѳедору, а тутъ еще во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ обѣда и, вмѣсто молитвы, въ голову лѣзутъ разныя мысли о сундукѣ съ деньгами, о ворахъ.

„Вышелъ онъ изъ церкви сердитый. Чтобы прогнать нехорошія мысли, онъ, какъ часто это бывало раньше, затянулъ во все горло пѣсню. Но только-что онъ началъ, какъ къ нему подбѣжалъ городской и сказалъ, дѣлая подъ козырекъ:

„— Баринъ, нельзя господамъ пѣть на улицѣ! Вы не сапожникъ!

„Ѳедоръ прилонился спиной къ забору и сталъ думать: чѣмъ бы развлечься?

„— Баринъ! крикнулъ ему дворникъ. — Не очень-то на заборъ напирай, шубу запачкаешь!

„Ѳедоръ пошелъ въ лавку и купилъ себѣ самую лучшую гармонію, потомъ шелъ по улицѣ и игралъ. Всѣ прохожіе указывали на него пальцами и смѣялись.

„— А еще тоже баринъ! дразнили его извозчики. — Словно сапожникъ какой!..

„— Нешто господамъ можно безобразить? сказалъ ему городской. — Вы бы еще въ кабакъ пошли.

„— Баринъ, подайте милостыньки

Христа-ради! вошли нищие, обетупая Федора со всех сторон.—Покажите!

„Раньше, когда онъ былъ сапожникомъ, нищие не обращали на него никакого вниманія, теперь же они не давали ему проходу.“

„А дома встрѣтила его новая жена, барыня, одѣтая въ зеленую кофту и красную юбку. Онъ хотѣлъ приласкать ее и уже размахнулся, чтобы дать ей разѣ въ спину, но она сказала сердито:

„— Мужикъ! Невѣжа! Не умѣешь обращаться съ барынями! Коли любишь, то ручку поцѣлуй, а драться не дозволю...“

„Ну, жизнь анаѣемская!—подумалъ Федоръ.—Живутъ люди. Ни тебѣ пѣсню запѣть, ни тебѣ на гармоніи, ни тебѣ съ бабой поиграть... Тьфу!“

Когда Федоръ проснулся, онъ былъ радъ-радехонекъ что все это ему только пригрезилось, что онъ не важный господинъ, а всего только сапожникъ. Онъ сдѣлалъ свой заказъ барину, а самъ приодѣлся и пошелъ въ церковь.

„По улицѣ взадъ и впередъ сновали кареты и сани съ медвѣжьими подостями. По тротуару вмѣстѣ съ простымъ народомъ шли купцы, барыни, офицеры... Но Федоръ уже не завидовалъ и не ропталъ на свою судьбу. Теперь ему казалось что богатыми и бѣдными одинаково дурно. Одни имѣютъ возможность ѣздить въ каретѣ, а другіе—пѣть во все горло пѣсни и играть на гармоникѣ, а въ общемъ вслѣдъ заждетъ одно и то же, одна могила, и въ жизни нѣтъ ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души.“

Какая яркая иллюстрація извѣстнаго, пожалуй даже избитаго, но въ сущности вѣрнаго и глубоко-примиряющаго житейскаго афоризма: „дѣло не въ вещахъ, а во взглядахъ на вещи“!

III.

Многіе разказы Чехова, собранные въ книжкѣ, имѣютъ, такъ сказать, *дидактическую* цѣль. Они указываютъ зло, но — зло исправимое. Стоитъ человѣку сознать это зло, и его не будетъ. Это—зло не безнадежное, а созданное самимъ человѣкомъ, почему и его упраздненіе вполнѣ въ его власти. Здѣсь опять предъ нами *примиряющая тенденція разказовъ*, только въ нѣсколько иной формѣ.

Таковъ, напримѣръ, *Отецъ семейства*. Человѣкъ проигрался, плохо выпался, у него разыгралась печень, и вотъ онъ брюзжитъ и тиранитъ всю семью: все въ домѣ не такъ и не этакъ. Проспался человѣкъ и—новое настроеніе: сознаніе своей вины, заискиваніе предъ напрасно-оскорбленными членами семьи и т. д. Положеніе скверное, и унизительное и смѣшное: всѣмъ за „отца семейства“ больно и досадно. „Мораль басни“, какъ видимъ, яркая и поучительная...

Или вотъ еще, совершенно подобный же по замыслу, разказъ: *Тсс!* Газетный сотрудникъ не крупнаго разбора дѣлаетъ изъ своей работы какое-то священнодѣйствіе: всѣ въ домѣ должны ему сочувствовать, оберегать его покой, предупреждать его желанія и т. д. А въ сущности и вся-то цѣна этому „литератору“ изломанный мѣдный грошъ.

„Пишетъ онъ до четырехъ часовъ, и охотно писалъ бы до шести, если бы не изсякла тема. Кокетничанье и ломалье передъ самимъ собою, передъ неодушевленными предметами, вдали отъ нескромнаго, наблюдающаго ока, деспотизмъ и тиранія надъ маленькимъ муравейникомъ, брошеннымъ судьбою подъ его власть, составляютъ соль и медъ его существованія. И какъ этотъ деспотъ здѣсь, дома, не похожъ на того маленькаго, припущеннаго, безсловеснаго, бездарнаго человѣка, котораго мы привыкли видѣть въ редакціяхъ!“

Какая жесткая и жестокая правда! Какое противоречіе между действительнымъ положеніемъ человека, его болѣе чѣмъ скромною „ролью въ мировомъ процессѣ“ и его самообожаніемъ своей собственной персоны, — великой и значительной только въ его собственныхъ глазахъ!

Въ разказахъ: *Случай съ классикомъ*, *Ренетиторъ*, *Злой мальчикъ*, *Гриша*, *Мальчики*, тонко подмѣчены и ярко выставлены аномаліи нашего „воспитанія“, наши безконечные недосмотры и ошибки, результатомъ которыхъ сплошь и рядомъ бываетъ физическое и нравственное уродованіе нашихъ дѣтей, сдаваемыхъ на чужія руки, помѣщаемыхъ въ учебныя заведенія безъ всякаго предварительнаго соображенія съ ихъ способностями и силами, какъ бы на мучительство и т. д. и т. д. Нового тутъ, конечно, нѣтъ, но эти старыя истины у насъ, какъ извѣстно, не могутъ быть повторяемы слишкомъ часто. Безъ сомнѣнія, не одинъ читатель поникнетъ головой надъ этими картинами, если онъ прикосновенъ къ дѣлу, дасть зарокъ самому не дѣлать подобныхъ преступныхъ „глупостей“ въ отношеніи къ дорогимъ ему дѣтямъ.

Чинovníчій міръ, съ его формалистикой и до смѣшнаго развитою субординаціей, далъ талантливому автору также не мало силуетовъ. *Толстый и тонкій*, *Женское счастье*, *Альбомъ*, *Лесъ и Солнце*, *Чтеніе* и другіе разказы г. Чехова относятся именно къ этой категоріи. Старые и застарѣлые, къ счастью, понемногу кажутся, исчезающіе грѣхи нашего препоклоннаго чинovníчества, его традиціонное низкопоклонство, взяточничество, судебная волокита, бездушный формализмъ и пр. — все это выставлено въ разказахъ этой категоріи чрезвычайно ярко.

Нѣтъ, конечно, недостатка и въ „современныхъ мотивахъ“ — въ жа-

лобахъ на „незнѣжество“ и „жалкое положеніе“ нашего мужика. Разказъ *Скорая помощь* рисуетъ безпомощность нашего крестьянина въ отношеніи санитарно-медицинскомъ, другой разказъ: *Темнота* — юридическомъ и т. д. Кисть, по обычаю, сочная, картины яркія. Но — мы — стаи чувствуются уже шарканье и передержки: очевидно, это дань вліяніемъ времени. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать что это дань не обильная.

Какъ видимъ, г. Чеховъ касается едва ли не всѣхъ темныхъ сторонъ нашей жизни. Но уже самый выборъ предметовъ изображенія, по болѣе части лежащихъ „въ предѣлахъ“ человеческой власти“, показываетъ что онъ отнюдь не страдаетъ безнадежнымъ пессимизмомъ. Это проповѣдь, такъ — сказать — литературный „призывъ къ покаянію“ и — только. Настроеніе не „заражаетъ“ своимъ мракомъ и безысходностію. Чувствуется что этого не должно быть, и что къ устраненію этого недозага всѣмъ намъ нужно стремиться, — насколько это, между прочимъ, зависитъ и отъ меня, читателя.

IV.

Отмѣченные нами разказы могутъ быть названы разказами „съ тенденціей.“ Однако не въ какомъ-нибудь условно-политическомъ смыслѣ, — о, отнюдь нѣтъ, авторъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ подобныхъ тенденцій! — но въ смыслѣ идейномъ. Въ нихъ авторъ выводитъ къ свѣту сознанія, такъ-сказать, историческіе и групповые грѣхи нашей общественной жизни. Но, кромѣ этихъ разказовъ, въ книгѣ есть много, такъ, сказать, дѣтскихъ фотографий или, точнѣе, кинематографій жизни, преимущественно ея комическихъ сторонъ. Длинною вереницей проходятъ здѣсь предъ нами обще-

5

ственные недуги „слабой человеческой природы“, облеченные в яркие конкретные образы, иногда полуприкрытые фиговым листком стыдливости, иногда пониженные головой, но иногда с каким-то напряженным бравурством, тщетно стремящимся прикрыть внутреннее смущение. Дешевое донжуанство, длинноязычие, низменные пристрастия мелких доморожденных наших Лукуллов и т. д., — все это отразилось в „разказах“ г. Чехова очень ярко.

Здесь встречаются чисто Гоголевские штрихи.

Вот, например, диаманты вкусным обидам, который с полным правом мог бы быть поставлен в ранг с известными кулинарными идеалами и увлечениями известного Гоголевского Лукула.

После одного из заседаний мирового съезда, секретарь Жилин убеждает своих коллег отменить благополучное окончание заседания обидом. Он предлагает меню. Ему возражают. Спутал жареный гусь:

„Жареные гуси мастера пахнут, — сказал почтенный мировой, тяжело дыша.

„Не говорите, душа моя, Григорий Саввич, утка или бекас могут гусю десять очков вперед дать. В гусятном букет итти итжности и деликатности. Забористое всего пахнет молодой луком, когда, знаете ли, начинается поджариваться и, понимаете ли, шинить, подлец, на весь дом. Ну-с, когда вы входите в дом, то стол уже должен быть накрыт, а когда сидите, сейчас самостеу за галстук и не спеша тянетесь к графинчику с водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не в рюмку, а в какой-нибудь допотопный дядовский стаканчик из серебра, или в такой пузатенький с надписью „его же и монахи принимают“, и выпиваете, не

сразу, а сначала вздохнете, рука в трете, равнодушно на потолок поглядите, потому, этак не спеша, поднесете ее, водочку-то, к губам и — тотчас же у вас из желудка по всему телу искры...

„Ну-с, переключебкой выпить, — продолжал секретарь вздохлого. Он у нас так ушелся что, как поющий соловей, не слышал ничего, кроме собственного голоса. — Кулебяка должна быть аппетитная, безстыдная, во всей своей наготи, чтоб соблазнить быть. Подмигнешь на нее глазом, отрвешь этаким кусице и пальцами над ней пошевелишь вот этак, от избытка чувств. Станешь ее есть, а из нее масло, как слезы, начинают капать, сочатся, с глазами, с потрохами, с лутом...

„Два гуса съели, а третий пощамт приберет, — продолжал секретарь вдохновенно. — Как только кончили с кулебякой, так сейчас же, чтоб аппетита не перебить, велите щи подавать... Щи должны быть горячие, огненные. А если любите суп, то из супов наилучший который засыпается кореньями и зеленью: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной юриспруденцией...

Какое яркое воспроизведение „психологии“, — если только позволительно здесь говорить о ней, — наших микроскопических Лукуллов. А ведь есть они у нас, эти неистратные Лукулы, эти рабы сладострастия обидения, и встречаются, быть может, гораздо чаще, чем обыкновенно принято думать.

Pendant к разказу, из которого мы сделали выписку (*Сирена*), представляется маленький отрывок „из летописи одного города“ *Брошенные умос*. В нем тонко подмечены некоторые черты модной теперь „психологии толпы“. Обыватели стол-

пились, волнуются, спорят, жестикулируют, наконец начинают даже трясать полками. А выволотки по всем оканчиваются... ссоры, остановившие на себя сначала просвещенное внимание одного полусонного обывателя, потом другого и т. д. Хорошая иллюстрация нашей жизни „Брошенные“.

V.

Можно выделить из особой группы уже совсем различные рассказы, написанные на разных эстетических темах, — очевидно, по разным случайным поводам, так сказать, ad hoc. Таковы рассказы: *Сиренный мот*, *Ранняя сиренная мот*, *То было оно*, *Аромат жареной и др.* Эти рассказы написаны, конечно, отвлеченно с какой-либо идейной точки зрения. Но они заслуживают быть отнесенными к отношениям художественности. Пластичная образность, легкая ослепительная юмористика, выступают здесь перед нами с особой силой.

Поражает в этих рассказах их необычайно тщательная, как бы филигранная отделка. Видно что автор не только внимательно изучал психологию той среды из которой брались сюжеты для своих рассказов, но усвоил и своеобразный круг представлений своего героя, самый их жаргон. Персонажей мы иногда совсем не видим. Но во жаргону ясно различается кто говорить и своим собственным воображением дополняет рисунок автора.

В этом отношении чрезвычайно характерен, для определения особенностей литературно-художественной техники г. Чехова, его маленький набросок: *Жалобная книга*. На что в этом наброске итти, кроме имитированных записей в жалобную книгу. Но зато какая это имитация! С каким мастерством она сделана!

Мы ясно видим в „записках“

6

разношерстную и разносоставную публику наших желанных дорог. Мастерские, мелкое купечество, дьячки всякого рода, недоучки, деляются в книгу „проба пера“ (благо она не заперта и весьма доступна!) и — мимоходом отпечатывают в своих собственноручных записках свои портреты и выставляют свои длинные уши...

Хотелось бы привести цитатой, можно сказать, *chef d'oeuvre* вымышленных шуток г. Чехова. Но, из-за недостатка места, приведем, по крайней мере, хоть кое-что:

„Подъезжая к сей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин“.

„Кто писал, не знаю, а я дурак читаю.“

„Находясь под сильным впечатлением возмутительного поступка... (зачеркнуто). Проходя через эту станцию, я был возмущен до глубины души следующим... (зачеркнуто). На моих глазах произошло возмутительное происшествие, рисуемое яркими красками наших железнодорожных порядков... (далее все зачеркнуто, кроме подписи). Ученик 7 класса Курской гимназии Алексей Зудев“.

„В ожидании отхода поезда обзавелся экономией начальника станции и остался ею весьма недоволен. Объявляю о сем по линии. Неудовольствующий дачник“.

„Я знаю кто это писал. Это писал М. Д.“

„Проходя через станцию и будучи голоден в разсуждении чего бы покушать я не мог найти поспешной пищи. Дьяков Духов“.

„Донай, что дадут!“

„Кто найдет кожаный портсигар, тот пушай отдасть в кассу Андрею Егорычу.“

„Так как меня прогоняют со службы, будто я пьянствую, то об-

ъявляю что все вы мошенники и воры. Телеграфист Козьмодемьянский“.

„Добродетелью украшайтесь.“

„Катенька, я вас люблю безумно“.

„Прошу в жалобной книге написать посторонних вещей. За начальником станции Иванов 7-й.“

„Хоть ты и седьмой, а дурак“.

Точка. Пора и нам поставить точку.

Таковы, в общих чертах, состав только-что изданной г. Марксом книжки рассказов г. Чехова. Темы, как видим, несложные и развѣ лишь за очень немногими исключениями, совсем незначительны. Но общее настроеніе, навѣваемое ими, и сложно, и значительно.

Читателю кажется, будто за толпой мелких людей и людшек, поглощенных мелкими, будничными, а подчас и пошлыми интересами, за ихъ голосами и криками, онъ слышитъ голосъ великаго начинателя русскаго юмора, Гоголя, несомненно вдохновлявшаго талантливаго автора „рассказовъ“, но уже голосъ смятенный, ослабленный и какъ-бы обезсиленный:

„Смѣйтесь, если смѣшно, и плачьте, если плачется! Но смѣйтесь и плачьте не другъ надъ другомъ, а надъ тѣмъ общимъ зломъ, которое всѣхъ васъ, хотя и разными способами, опутало и всѣхъ васъ держитъ въ рабствѣ. Вотъ вашъ общій врагъ, надъ нимъ смѣйтесь, надъ нимъ плачьте и съ нимъ боритесь...“

И на душѣ отъ этихъ словъ, отъ этого призыва ко всеобщей работѣ надъ собою, становится какъ-то бодрѣе и легче. Велика эта сила мелкаго, пошлаго, обыденнаго, будничнаго зла! Но человекъ освобождается отъ него уже чрезъ одно то что начинаеть его *сознать*. А „рассказы“ г. Чехова, даже эта его „проба пера“, много помогаютъ такому сознанию.

А. БАСАГИНЪ.

<А.И. Введенский>